

Alex Linkevich

*Источнику
стало
известно*

Без грифа секретности

Alex Linkevich

**Источнику стало известно.
Без грифа секретности**

«Издательские решения»

Linkevich A.

Источнику стало известно. Без грифа секретности /
A. Linkevich — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833457-3

Журналист случайно прикоснулся к тайне, которую оберегают спецслужбы на протяжении всей известной истории человечества и за которой сегодня охотится преступный синдикат, планирующий получить власть над миром.

ISBN 978-5-44-833457-3

© Linkevich A.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Intro	8
Глава первая	9
1	10
2	12
3	14
«Источнику стало известно»	17
«Источнику стало известно...»	18
«Источнику стало известно...»	19
«Источнику стало известно...»	20
«Источнику стало известно...»	21
«Источнику стало известно...»	22
«Источнику стало известно...»	23
«Источнику стало известно...»	24
«Источнику стало известно...»	25
«Источнику стало известно...»	26
«Источнику стало известно...»	27
Глава вторая	28
1	29
2	31
3	32
Глава третья	33
1	34
2	36
Глава четвёртая	38
1	39
2	41
«Источнику стало известно...»	43
Глава пятая	46
1	47
2	48
3	52
4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Источнику стало известно
Без грифа секретности
Alex Linkevich**

© Alex Linkevich, 2017

ISBN 978-5-4483-3457-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Случайно найденные Автором тетради в цветных разводах и кольцах от кружек и тарелок, блокноты с многочисленными ножевыми насечками, и отдельные листы бумаги, прожжённые сигаретами, с загнутыми и взлохмаченными краями, положили начало этой истории.

Как впоследствии выяснилось, исписал, исчиркал их герой нашего романа Андрей, из неугомонного и настырного племени журналистов, который нашёл достаточно приключений на свою бедовую голову даже в этой глуши, в которой он обнаружил целый пласт человеческой истории, тщательно скрываемой от наших глаз.

Автор начал изучать записи Андрея и, в процессе исследования столкнулся со следами деятельности мощной и таинственной Организации, связанной самым тесным образом с масонством, крайне законспирированным тайным обществом, тайным Орденом, который и сегодня, сейчас, действует в паре с католической церковью.

В своё время именно этой организацией были инициированы и профинансированы знаменитые Крестовые походы, а сами крестоносные короли стали адептами Ордена, который целое тысячелетие отчаянно боролся с исламом и сегодняшний очаг напряженности на Ближнем Востоке – в значительной степени его рук дело.

В управлении Орденом использовался простой и проверенный принцип «кнута и пряника». Пряником послужил миф, легенда, предание или просто выдумка о неких святых предметах, артефактах, а Кнутом стала, опять-таки тайная (в тайном-то Ордене!) организация, собранная из особо приближённых к королям и доверенных людей, которые настолько прониклись идеологией Ордена, что ставили его самого и его интересы выше интересов любого непосвящённого члена общества, включая собственных отца-мать.

Люди, служившие в этой, тайной в квадрате, организации в разные времена и в разных странах назывались по-разному – центурионами, жандармами, полицейскими, гестаповцами, милиционерами, чекистами, янычарами, проще говоря – стражниками.

Кнутом, как инструментом, стражники пользовались охотно и часто, добиваясь постоянными тренировками необычайного профессионализма в деле управления своими собратьями методом принуждения к покорности, и за прошедшее тысячелетие они научились не только махать кулаками и бичевать кнутами. Стражники приобрели такие полезные качества, как предусмотрительность и осторожность, научились не только показывать свою силу, но и прятать и скрывать свои намерения. Что, безусловно, надо признать правильным – ведь с веками пропасть между стражниками и общей массой народонаселения (людьми) всё увеличивалась, приходило понимание, что дубинкой, сколь совершенной она бы ни была, от всё растущего числа соотечественников не отмахнёшься.

Сегодня на первое место выступил ещё один универсальный инструмент управления – Информация, которой, как известно, много не бывает.

Современный человек живёт, не отводя глаз от разного рода источников информации – смартфонов-телефонов, ноутбуков и планшетов, телевизоров, приближающихся по своим возможностям к персональным компьютерам и которые круглые сутки загружают нас новостями со всего света. Послушайте, что говорит телеведущий или собкор:

– Источник, близкий к тому-сему сообщил (подтвердил или, наоборот, опроверг) то-то и то-то....

– Источник из Администрации сообщает о том, что....

– Источнику стало известно....

Что же это за всезнающий, но всегда остающийся безликим, Источник такой? Как он всё узнаёт и почему делится информацией со службой Новостей TV, которое разносит её по всему миру? Или делится информацией ещё с кем-то, и его Сообщения на долгие годы – десятилетия

(а некоторые и навечно) прячутся за грифом «Секретно», или «Совершенно секретно», или «Особой важности»?

Тайна всегда волнует воображение и притягивает, но Автор не собирается подражать Аллену Ф. Даллесу и его многочисленным последователям, выискивая в Библии примеры того, как добывается, передаётся и используется информация. Ибо, Библия, сама по себе, есть пример документа, на котором только и не хватает того самого: «Источнику стало известно...».

Согласитесь, что читая Библию, нельзя не обратить внимание на необыкновенную информированность многочисленных авторов этого удивительного сборника заповедей и поучительных примеров из жизни рода человеческого. Кто-то всё подмечал и замечал ещё в те давние времена, от самого сотворения Мира, и кому-то передавал, докладывал о том, что «В начале было Слово...» и далее – на тысячу страниц подробнейшей информации.

Не тысяча страниц, лишь три тетради и два блокнота, исписанных рукой Андрея, достались Автору, и он продолжил расследование пропавшего журналиста. Расследование событий, растянувшихся цепочкой на, без малого, десять миллионов лет истории нашей планеты.

«Если приложить ухо к земле, можно услышать весь мир» – гласит восточная мудрость. В поисках надёжного источника информации Автор, следуя этой мудрости, приложил ухо к земле, и кое-что из услышанного, добытого разными способами и методами за четверть века исследований и поисков материала, с которого снят гриф секретности, представляет на суд любознательного Читателя.

Intro

Криминалист попытался наклониться к столу генерала, позвоночник скрипел, но не гнулся, потому, чисто из уважения, пришлось ему чуть присесть.

– Товарищ генерал, – пропел он неожиданным для такого крупного человека дискантом. – Для этого дела как раз есть тело.

– Пушкин? – Подбросил мохнатые брови генерал.

– Что – Пушкин?

– Ты тут не скрипи, давай. Сядь, что ли, не нависай, не люблю. Или отойди на пару шагов.

Криминалист послушно шаркнул пару раз подошвами. Остановился, прикинул – достаточно ли отошёл от генеральского стола.

– Хорош, достаточно, – генерал не зря занимал своё место и читал мысли своих подчинённых легко и просто, как «Отче наш». – Ты, давай, излагай, только безо всяких этих «дело – тело».

– А, понял, понял, товарищ генерал. Извините за рифму, случайно вырвалась!

– Вырвалась... ты, это, давай покороче! – Генерал дёрнул щекой. – Излагай, что за камень в штанах держишь в запаснике, для ближнего своего.

– Не в штанах, товарищ генерал, извиняюсь, а за пазухой...

– Да хоть за щекой! Ну!

Криминалист вернулся к столу, веером разложил перед генералом несколько фотографий.

– Старушка беспризорная в морге лежит, пахнет, – показал на одну фотографий криминалист. – Так мы пару волосков у неё вырвем...

– Откуда вырвите? С какого места? – позволил себе улыбнуться генерал.

– С какого скажите! У неё даже в ушах седина, товарищ генерал. – Услужливый толстяк предпринял ещё одну попытку прогнуться, впрочем, также безуспешно. – А, зачем ей седина? С понятиями зафиксируем на авто этого засранца, на помятом крыле.

– А крыло помято?

– Ну, что Вы, товарищ генерал! Помнём как надо, – криминалист шкодливо улыбнулся. – Как учили!

Глава первая

Вторая древнейшая

1

Самая средняя полоса России, накрытая ласковым теплом бабьего лета.

Красиво и спокойно вокруг. Не видно даже пауков, тонконогие работяги закончили свою хитрую работу ещё вечером, и теперь спали в своих уютных норках – пещерках, дожидаясь, пока солнце не подсушит их творения – развешенные по кустам и деревьям сети – серебряные ниточки с нанизанными на них хрустальными шариками утреннего тумана.

В речной долине, в тени высокого, или, как говорят люди знающие, коренного берега, разлежся, по пояс в чёрной осенней воде остров, точнее – островок, если принимать во внимание его размеры.

По берегу острова выставлена живая изгородь из обычных плачущих деревьев и низких, плотного переплетения кустов, похожих на малину. Не наша, не российская эта малинка, привезена была специально из Южной Америки, точнее – из Аргентины. Два-три уколола её шипами, и все – оттаскивай очередного клиента похоронного бюро.

Глаз внимательного человека, если, конечно, таковому удалось бы добраться до этого места, мог заметить среди этих замечательных растений и живописно раскрашенную композицию из простой колючей проволоки и, в дополнение, острые оцинкованные треугольники «Егозы».

Соединял два берега, острова и Большой земли, мост. Весь покрытый чугуном и бронзовым литьём, он пытался изо всех сил прикинуться столетним, дорогим и значимым, хотя и был сработан недавно, с любовью и умением, которыми отмечено все рукотворное на этом острове.

У въезда на мост, с той, «чужой», стороны, припарковались на специально отведённой асфальтированной площадке несколько плечистых машин с нержавеющей оскалом. Они гордились своими крутыми хозяевами и тем, что и сами не ищут в жизни легких дорог.

Другой конец моста, тот, что на острове, упирался в закрытые дубовые ворота. Слева от ворот насторожилась красного кирпича будка с одним, внимательно прищуренным окном. Будка, это, конечно, условно, только по сравнению с размерами других строений общегражданского назначения на этом необычном острове.

У будки большой были бесплатные приложения – ещё две будки. Поменьше. Эти были предназначены для сторожевых собак, которых, как и мордастых людей держали на острове для единственной цели – никого без команды не пускать на заповедную землю.

Или – не выпускать, это уж как прикажет Хозяин.

Хотя, и те, и другие – собаки и мордороты, одинаково страшны были только с виду, и одинаково бесполезны в деле – они просто зажрались за годы безделья, потеряли и нюх, и сноровку.

Кстати, а где их хозяева, которые вчера так шумели и веселились? Ещё вечером были слышны, и как слышны, многочисленные тосты и приглашения к веселью, народные песни и, даже, под занавес – шансон. Весёлые, привезённые специально из большого города, девки визжали в кустках и за кустами, на клумбах и в бассейне.

И вот, наступило тихое утро! Слышно было только посапывание острых носиков вчерашних хохотушек и солидное, раскатистое похрапывание их одноразовых ухажёров. Народ, предававшийся разврату, устал и сейчас отдыхает, восстанавливая силы и водно-солевой баланс. О вчерашнем веселье напоминали лишь зацепившиеся за колючий кустарник запахи шашлыка и ароматы дорогих духов.

Замер остров, и гости его, и стража. Ничто и никто не имеет права нарушить покой Хозяина. Хотя нет, нашёлся отчаянный человек, вон, смотрите, по стволу одного из раскидистых

деревьев сползает в траву фигура, в серо-зелёном комбинезоне, с небольшим водонепроницаемым мешком за спиной. Движения скованные, замороженные.

Что делал ты, человек, на этом дереве? Похоже, с вечера забрался ты на эти ветки, и ночь на них просидел, подобно филину, высматривая то, что тебе интересно. Какой такой интерес заставил тебя уподобиться этой мудрой птице?

2

Попробуем узнать об этом в кабинете главного редактора газеты республиканского значения «ГАЛБЮН ТАЙМС». Название это, надо признать, условное, даже вымышленное, и ни к чему, особо, не обязывающее. Ни издателя, ни читателя.

Улучшает ли это название перистальтику кишечника – не знаю, а, вот, аппетит, если её, газету, читать за обеденным столом, испортит точно.

Содержалась газетка за счёт людей, народа, составляющего население этой, во времена Советские богатой и процветающей Республики. То есть – финансировалась за счёт бюджета и являлась, таким образом, «гласом вопиющего». Пожалуй, уточню – должна была бы являться! Грустно...

Из приоткрытого окна тянуло уже уверенным осенним холодком. Колыхались белые полоски тряпичного жалюзи. Редко-редко, через это колышущееся заграждение, прорывались капли косога дождя, смешанного с первыми снежинками и падали на запылённый подоконник. Там они оставляли следы, подобные метеоритным, такие следы можно увидеть на Луне, в хороший бинокль.

Два стола вдоль длинной стены кабинета. За ближним к окну столом сидел сам Редактор, возраста, пожалуй, предпенсионного. Его небрежно выбритая голова соответствовала и возрасту, и склонности к порокам и страстям. Очки, в тонкой золотой оправе, висели на кончике покрытого редкими колючими волосами носа. Стёкла серые, дымчатые, но даже они не могли скрыть мешки под глазами Главного. Он читал и перекладывал листы бумаги с одного угла стола на другой.

При этом, сидящий за столом человек в синем пиджаке, обильно покрытом хлопьями перхоти, ещё и грыз кончик карандаша. Время от времени он смотрел на лежащие перед ним фотографии, смотрел на карандаш, менял его на следующий, из стоящего тут же стаканчика.

Нервы, однако!

Редактор дочитал последний лист, выигрывая время передвинул с места на место фотографии и, наконец, подперев голову рукой, уставился на сидящего перед ним журналиста.

– Вроде, нормальный молодой человек, – подумал Редактор. – То есть, человек у которого всё в норме – рост, вес, наличие зубов во рту и надежда во взгляде. Нет, во взгляде ещё читалась радость победителя. И улыбка у него – улыбка победителя. Широкая, не скрывающая торжество Победителя. Видно, что парень молодой и жизнью особо не битый. Да и семьи, о которой надо заботиться ежедневно, в отличие от него, Редактора, не было у Андрея, журналиста.

Не отводя от подчиненного взгляда, Редактор поменял карандаш на сигарету. Закурил. Выпустил дым вверх и в сторону. Сизая струйка накрыла Андрея. Тот всё улыбался.

– Николай Петрович, как?

– Ну-у, Андрей, ты даешь! – а что ещё можно сказать, прочитав о таком и просмотрев такие фотографии?

Николай Петрович аккуратно, насколько он мог это сделать, собрал листы в стопку, выравнивая карандашом края.

– Я представил, что будет, если напечатаю... – он покачал головой, наклонился к фотографиям, сдул упавшую на них перхоть. – У меня температура сразу на три градуса упала, от страха.

Редактор встал из-за стола, прошёл к мутному окну, глубоко вдохнул свежий, начинающий отдавать морозцем воздух.

Андрей подошел к Редактору, встал за левым плечом. Посмотрел на автомобильное стадо, мычащее у светофора там, на улице, далеко внизу.

– Люди, Петрович, спасибо скажут...

– Эх, Андрюша! Много ты знаешь о людях! Скажут они тебе... жди! – Лицо Редактора подёрнула кривая улыбка. – Да и вообще, смотрю – добрый ты какой-то...

– Петрович! Я-то, может быть и добрый, а вот этот... —

Андрей вернулся к столу, взял несколько фотографий с «материалом».

– Посмотрите, вот. На его лицо, даже! Такой, думаю, не может родиться от женщины, – он повернул фотографию так, чтобы Редактор мог полюбоваться изображением. – Таких начальников делают по правительственному спецзаказу!

Андрей и Николай Петрович, через кабинет, смотрели друг на друга. Редактор встряхнул мышью головой.

– Андрей, послушай, ну что ты плетешь, ну, начальник... Начальник! Республиканского МВД содержит гостевой дом, на каком-то острове! – он приподнял щуплые плечи, выражая и недоумение, и недоверие к увиденному. – А, этот, как ты пишешь...

Редактор огрызком карандаша показал на стол.

Андрей понял, о ком идет речь:

– Петрович, у него на самом деле, ну, рот похож на железный капкан, – поторопился он оправдаться.

Он нашел на столе ещё несколько фотографий, и показал их Редактору.

– Менты, мои знакомые, раскопали, два убийства за ним, в розыске федеральном. – Андрей реакции Редактора не дождался и рванул правду-матку. – Потому и служит нашему борову псом преданным.

– Слушай, Андрей, а что ты так долго это держал? – Очнулся Редактор. – Ко Дню милиции, что ли берег?

– Видите ли, в чём дело, Николай Петрович, тема весьма щекотливая, – Андрей постучал себя по плечу, по несуществующему погону. – Тут проверять, да проверять надо было, чтобы не подкопались.

– Кто не подкопался бы, а, скажи – кто? – Ответ казался очевидным и Редактор его не ждал. – Ладно, оставь материал. Почитаю ещё. Подумаю...

Подумал он, или о чем-то вспомнил, но вдруг начал лавировать, неожиданно даже для себя самого.

– Конечно, с одной стороны, пора уже... – Редактор посмотрел на портреты нового руководства, развешенные на стене. – Да и веяния, понимаешь ли, такие, что...

Редактор развел перед собой руками, пытаясь показать, какие именно веяния он имеет в виду, сказалось отсутствие практики, и пантомима не удалась.

– Давай, Андрей, иди пока, позову...

Редактор покосился вслед вышедшему журналисту, подождал, когда закроется за ним дверь кабинета. Чуть подумав, достал из нагрудного кармана шурующую упаковку и заложил под язык таблетку валидола. Посмотрел с сожалением на карандаш, снял трубку телефона, набрал заветный номер.

Проговорил в трубку шумно, с хрипотцой:

– Дежурный? Это Николай Петрович, редактор «Гальюн Таймс». Генерал на месте?

3

Интерьер квартиры выдавал глубокое одиночество её хозяина.

Андрей, как единственный холостяк в редакции, от командировок не отказывался, с удовольствием подменял своих семейных коллег, потому дома бывал не часто, точнее сказать – набегам, ему пока и в голову не приходило заняться обустройством или облагораживанием своего жилища. Его самого всё устраивало, гостей он практически не приглашал, оберегая свой личный мирок от критических взглядов и замечаний.

Мы по всей квартире бродить не будем, во-первых, не позволит хозяин и, главное, пришедшее читателю врождённое благородство. А, вот в одну из комнат обязательно заглянем, как раз по праву Читателя!

Хозяин расслаблялся. Сегодня его вечер, последний, прощальный и Андрей старался его провести достойно, чтобы запомнился надолго. Что для этого надо? Посмотрим? Через замочную скважину? Но, только, никому, понимаете, т-с. ...

Вдоль одной из стен, закрытой до самого потолка турецким ковром, стоял приличного размера диван. На тёмно-зелёном плюшевом покрывале пять-шесть небольших подушек. В изголовье дивана интимно подсвечивало тёплым оранжевым светом бра, о двух рожках, красной меди.

Фасонисто прислонился к дивану низкий столик. Из тех самых, что называются сервировочным. На столешнице из толстого стекла, стояла фарфоровая (не фаянс!) тарелка с золотым ободком. На тарелке, золотом же отсвечивали куски крупно нарезанной, плачущей жиром скумбрии. Были ещё на столике какие-то бутылки, тарелочки с острыми и солёными закусками, и, почему-то, плитка шоколада на рассыпанной мелочёвке, из денег.

Золото завивалось в пузырьках, поднимающихся со дна двух пузатых кружек с пенным напитком.

Сухощавая и скуластая молодая женщина по имени Катя, с раскосыми, весёлыми и пьяными глазами, со стаканом вина в руке, полулежала на диване, легко приминая зелёные шёлковые подушки. Её длинные и мускулистые ноги балерины, едва прикрытые халатиком, вызывающе отсвечивали золотистым загаром.

Она покачивала стаканом и смотрела вниз, на пол, на котором, по красно-коричневому, верблюжьей шерсти паласу, расстилалась волнами зелёно-голубая карта России.

Андрей, с высоким, резного хрусталя, стаканом в руке, всматривался в её разноцветье и просвещал Катерину:

– Вот так Володя и сказал – до утра, чтобы смылся. Вот, друг! На хвост, говорит, генералу наступил, и вполне возможен летальный исход! – Андрей взял монетку из кучки мелочи, лежащей на столике. – Ещё и записку написал, на любой рейс можно пристроиться.

Подруга отпила глоток винца из стакана и отставила его на столик. Взяла кружку под белой пенной шапкой. Шапка белая, а напиток в кружке золотистого цвета, похоже любимого в этой комнате.

Андрей подкинул и поймал монетку, вроде как для тренировки.

– И не простит генерал, пришьют что-нибудь, и аля-улю! Так что, Катюха, выбираю место жительства! – улыбнулся счастливо.

Он пригубил из стакана, повернулся к расстеленной карте спиной, бросил монету через левое плечо.

Катя устраиваясь в углу дивана поудобнее, вытянула свои великолепные ноги, в одной руке она держала кружку, на длинном пальчике другой покачивался кусок рыбы. Блестели в свете бра её острые коленки.

Андрей повернулся посмотреть – куда позвала Судьба.

– Ну, и куда рванём? – он нашел взглядом жёлтый кружечек монеты. На тёмно-зеленом поле Сибири. В центре. В глуши. Присвистнул: – Ничего себе! Дай-ка еще разок...

Он бросил монету второй раз. Прицелился взглядом на закручивающийся в полете кружочек, оценил место его падения, вздохнул, сделал глоток из стакана. И хороший глоток!

– Далековато будет!

Андрей протянул руку к книжной полке, достал увесистый том в коричневой обложке, открыл на нужной странице, прочитал вслух:

– Так, значит, «Западносибирская равнина, где расселились ханты, одна из величайших в мире. Возраст её формирования – несколько десятков миллионов лет».

Он повернулся к подруге:

– Слышь, Катюха, миллионов! Так, дальше. «В долинах больших рек она почти идеально ровная и постепенно понижающаяся к северу, а на водоразделах многочисленных притоков всхолмлена. Увалы, гривы, гряды чередуются с западинами и лощинами».

Андрей посмаковал и вино и новые для него слова:

– Западинами и лощинами. Это что? Дальше. Слушай. «Климат континентальный. Зимой – сильные морозы, часто за 50 градусов, метели, снегопады; летом бывает очень жарко, особенно в июле. В это время можно купаться и загорать».

– Купаться, загорать будешь. А меня здесь оставишь? – Катя обиженно зашмыгала носиком, посмотрела на Андрея укоризненно. – Совести у тебя нет!

– Девочка, милая, совесть я ещё во втором классе променял. На пирожок с ливером, – Андрей наклонился и поднял монету с зелёного листа карты. – Или с капустой, уже и не помню!

Булькнуло в горле вино – глоток на всякий случай, наудачу.

– Ладно, Бог, говорят, любит троицу.

Он бросил монету в третий раз. Уже стоя лицом к происходящему действию. И в третий раз монета упала в то же место.

Андрей наклонился низко, поднимая монету, прочитал название, прописанное на карте рядом с маленьким чёрным кружком, почти точкой:

– Берёзово! Ничего себе...

Андрей вновь полистал страницы, нашел нужную.

– Берёзово, так, основан, или основано, или основана «в 1593 году как крепость для сбора ясака – дани. То есть, заложен в царствование Федора Иоанновича – Тишайшего. Сооружать городок прибыли воеводы Микифор Траханистов, князь Михайло Волконский да письменный голова Иван Змеев. – Андрей покачал головой. – Триста человек! Всего! Ладно, читаем дальше. «Получил статус города в 1708 году, благодаря двум церквям». Смешно! Церковь-то тут ещё причём?

Он наклонился к подруге, поцеловал острую коленку.

– Вот это интересно, слушай, Катя: «первым именитым узником Берёзово стал в 1660 году князь Дмитрий Ромодановский». А потом понеслось: в 1727 году сюда был сослан князь Меншиков, в 1730 – князь Долгорукий, в 1742 – князь Остерман.

Андрей присел на диван, поближе к женщине:

– Достойная компания, ей Богу!

Балерина, откинувшись на пухлую кожаную спинку дивана, всё крутила и крутила на длинном тонком пальчике колечко золотистой рыбы. Она искала изящную, соответствующую её профессии форму вопроса, тревожащего её сейчас – почему это «он», мужчина, покидает «её», женщину-казалось-мечту так легко и просто? Кто виноват, и что надо сделать ей, что?

Решение не приходило, пауза затягивалась, становилась гнетущей.

– Эх, Андрюша... – спохватилась она. – Где-то я уже слышала это.

– Да песня есть такая, про Андрюху, и печаль, типа, того, что жить не надо в ней, – Андрей понимающе улыбнулся и подмигнул подруге.

– В ней? Это ты, о чём? Сегодня в это играем? Намекаешь? – женщина состроила бровь вопросиком, улыбнулась радостно, она интуитивно нашла чисто женское решение.

– И намекаю! И предлагаю! – Андрей наклонился и поцеловал вторую коленку.

Допил вино, подергал бровью в ответ. Рука его начала шаловливое путешествие по женскому бедру. Что-то нашла и погладила.

– А ты бы, Киса, – он не удержался от того, чтобы легко не «подколоть» подругу, кивнул в сторону кружки. – С пивком того, поаккуратней.

– Я? – удивилась Катя.

Андрей с удовольствием истинного ценителя, улыбаясь, разглядывал раскинувшуюся перед ним женщину. Не глядя на столик, поставил на него пустой стакан.

– Я, я! Плясать не сможешь скоро – растолстеешь!

Балерина, глядя на Андрея поверх высокой кружки, вытянула в трубочку яркие губы, смачно всосала пиво, облизнула рыбку в золотистой коже. Белая полоска пены зацепилась за ставшие вдруг заметными, усики, предательски выдающие темперамент.

– Щас, все брошу... – она всосала в знак протеста очередную порцию напитка из кружки. – Да и калорий в нём нет. Так что ты зря, насчёт... всего этого.

Балерина томно потянулась, вытянула великолепные ноги во всю длину, и сама же любясь, смотрела на них. Отставляя свою кружку на столик, невольно задела стакан Андрея. В тихой комнате раздался прозрачный хрустальный звон.

– Ты точно едешь-то? – спросила она. – И когда теперь увидимся?

Демонстрируя, или на самом деле испытывая любовную истому, она, сначала обсосала солёные пальчики, один за другим, затем протёрла их влажной салфеткой с ароматом клубнички, потянула замок «молнии» на коротком халатике вниз.

– Ну? Может, у меня, перекантуешься. Поможешь по хозяйству, – её глаза, ставшие чуть шальными, уперлись Андрею, казалось, в самую душу.

– Видишь ли, в чём дело, – начал, было он объяснять, но уже заметил и пухлые, совершенно бессовестные губы, и подрагивающие в нетерпении длинные пальцы великолепной в своем желании молодой женщины, и открывшиеся перед ним белые кружева дорого белья.

Язык Андрея прошелестел по губам, ставшим внезапно сухими: – Классное у тебя, Катюх, хозяйство – грех не помочь!

Тень Андрея, а затем и он сам, накрыли Балерину.

«Источнику стало известно»

«Озеро Восток находится на расстоянии 480 километров от Южного географического полюса. Толщина льда над озером около 3800 метров, наибольшая глубина – 1200 метров, в районе расположенной как раз над ним российской антарктической станции «Восток» – 680 метров.

Исследователи озадачены тем, что при длине озера 300 километров и ширине 50, его поверхность имеет уклон: южная часть значительно выше северной, что противоречит признанным и действующим в настоящее время на нашей планете законам физики (гравитация).

На западной стороне озера обнаружена сильная магнитная аномалия. Специалисты высказывают предположение, что аномалия вызвана лежащей на дне металлической конструкцией значительного размера. Возможно и допускается, что эта конструкция – инопланетный корабль и его, работающий до сих пор реактор или другого рода/вида энергетическая установка поддерживает необычно высокую температуру воды озера Восток.

После того как разведывательная аппаратура орбитальных спутников США обнаружила, что над водной поверхностью озера Восток существует покрытая сплошным ледяным куполом полость высотой около 800 метров, а специально сконструированные и изготовленные для этого исследования приборы зарегистрировали высокую магнитную активность, выполнение программы гражданских исследований свернули, все гражданские специалисты от нее были отстранены. Руководство дальнейшими работами перешло к правительственному ведомству – Агентству Национальной безопасности (АНБ).

По некоторым данным Главной целью исследований АНБ является лежащий на дне озера Восток инопланетный корабль».

«Источнику стало известно...»

«После тщательного анализа фотографий Европы, ученые НАСА пришли к выводу, что подледниковая среда на спутнике Юпитера весьма схожа с той, что существует под 4-х километровой толщей льда, покрывающей озеро Восток.»

Дословно в Сообщении Национального научного фонда США говорится: «Антарктическое подледниковое озеро Восток, получившее название по имени Российской антарктической станции „Восток“ имеет те же основные граничные условия, что и океан подо льдом на Европе.»

«Источнику стало известно...»

«... для реализации своих планов Третьему рейху не хватило времени. Военные действия шли на территории Германии и пришла пора перебазироваться в Антарктиду. Эвакуация, а фактически бегство нацистского руководства, преподносилась как акция по возвращению на родину предков, так как ученые рейха сумели убедить его руководство в том, что арийцы есть прямые потомки атлантов, а замерзший континент – это легендарная Атлантида.

Вторым аргументом, обоснованием необходимости переселения в Антарктиду стала информация о том, что многочисленные немецкие антарктические экспедиции неоднократно сталкивались с загадочными явлениями. Учёные выдвинули и пытались обосновать гипотезу, что на поверхности Антарктиды, или под её ледяным куполом находится секретная база НЛО, а сам полюс представляет собой шлюз, который связывает Землю с другими планетами и звездными системами.

В те годы нацисты не смогли ответить на вопрос о том, как пришельцы из космоса прибывают на Землю, хотя у многих учёных были предположения, что должны существовать какие-то межзвёздные и даже межгалактические тоннели. В наше время эти предположения обрели реальные черты. Американский астрофизик Кип Торн доказал, что «осваивать» Вселенную можно с помощью «кротовых нор пространства», «червячных переходов» и чёрных дыр.

В феврале этого года персонал японской антарктической станции (большинство персонала которой являются установленными сотрудниками военно-технической разведки) с помощью новейшей аппаратуры засекли одновременно девятнадцать дискообразных и шарообразных объектов, которые «спикировали» из космоса на Антарктиду и пропали с экранов радаров. Этот факт, как и неоднократные наблюдения НЛО в районе Южного полюса, регулярные сообщения о светящихся «дисках», «шарах», «сигарах», поступающие не только к нам, но и в службы национальной безопасности многих стран, а также наличие на земной орбите нескольких искусственных летательных аппаратов, неизвестно кому принадлежащих, служат подтверждением тому, что так называемые врата в межзвёздный тоннель, находятся над Антарктидой».

«Источнику стало известно...»

«В 1943 году гросс-адмирал Карл Дениц докладывал: «Германский подводный флот гордится тем, что на другом конце света создал для фюрера неприступную крепость». Подтвердились сведения о том, что с 1938 года по 1943 нацисты возводили в Антарктиде секретную базу. Для транспортировки необходимых строительных материалов и грузов из портов Европы и Южной Америки использовались подводные лодки и транспорты из секретного соединения «Конвой Фюрера».

Не вызывает доверия, но, безусловно, заслуживает внимания информация о том, что адмирал Дениц, в одной из своих экспедиций, обнаружил в Антарктиде вход в подземный мир с богатой растительностью, тёплыми озерами и, бродящими по их берегам животными, похожими на динозавров.

«Источнику стало известно...»

«В конце 1946 года адмирал Ричард Е. Берд (Byrd) получил приказ уничтожить нацистскую базу в «Новой Швабии».

Один из участников этого похода, пилот полярной авиации Джон Сайерсон, так рассказывал о нападении удивительных дисков на корабли эскадры: «Они выскакивали из воды как угорелье и проскальзывали между мачтами кораблей с такой скоростью, что потоками воздуха рвало радиоантенны. Несколько наших истребителей попытались взлететь, но я не успел и глазом моргнуть, как сражённые какими-то неведомыми лучами, брызнувшими из носовых частей этих „летающих тарелок“, самолёты зарылись в воду возле кораблей. Я ничего не понимал. Эти предметы не издавали ни единого звука, они безмолвно носились, словно какие-то сатанинские иссиня-чёрные ласточки, и беспрерывно плевались убийственным огнём».

«Источнику стало известно...»

«... из них следует, что во время экспедиции 1947 года, после этой встречи, между нацистской колонией в Антарктиде и американским правительством было подписано соглашение об обмене немецких передовых технологий на американское сырьё.

Имеющаяся у нас информация позволяет предполагать, что немецкая база в Антарктиде сохранилась до сих пор, а проведённые расчёты подтверждают существование там подземного города (под условным названием Новый Берлин) с населением около двух миллионов человек. Основным занятием его жителей, предположительно, являются генная инженерия и полеты в космос.

Учитывая весьма ограниченный в этом районе планеты спутниковый контроль, даже самый современный, готовность арийцев использовать для защиты своих интересов боевые лазеры и «летающие тарелки» – аппараты, использующие неизвестные нам физические принципы для перемещения в пространстве, а также созданное в Новом Швабеленде имплозивное ядерное оружие, можно утверждать, что в настоящее время военные возможности населения Нового Берлина позволяют сдерживать посягательства любого агрессора.

Для справки: Подобные базы строились перед Второй мировой войной и после неё в Советском Союзе. Одна была построена в районе Куйбышева, ныне Самары. Другое убежище, в Яман-тау (Уральские горы), действует и сегодня.

Подобные объекты строили и строят США. В течение нескольких десятилетий хранилище своей цивилизации строила Япония (научные прогнозы относительно Японии весьма пессимистичны, и японцы опасаются геологических катаклизмов) на территории Канады. В нём складируют всё самое ценное, включая генетические материалы глубокой заморозки».

«Источнику стало известно...»

«28 декабря 2006 года ВВС США в рамках операции *Deep Freeze* впервые осуществили масштабное парашютное десантирование 40 тонн грузов прямо на Южный полюс с помощью тяжёлых военно-транспортных C-17 *Globemaster III*...

5 января 2007 года на российскую антарктическую станцию «Беллинсгаузен» высадились директор Федеральной службы безопасности Николай Патрушев вместе с первым заместителем директора ФСБ – руководителем пограничной службы ФСБ России Владимиром Проничевым и депутатом Госдумы Артуром Чилингаровым.

7 января 2007 года два вертолёт Ми-8 впервые достигли Южного полюса. На борту вертолётов находились – депутат Госдумы Артур Чилингаров, глава ФСБ Николай Патрушев, руководитель пограничной службы ФСБ Владимир Проничев, а также глава Всемирной метеорологической организации Александр Бедницкий.

12 ноября 2007 года в Антарктиду прибыл, соблюдая меры особой секретности генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун.

11 марта 2008 года Первый вице-премьер Сергей Иванов посетил российскую антарктическую научную станцию «Новолазаревская». Иванов облетел восточные районы «белого материка», осмотрел станцию «Новолазаревская», провёл совещание по транспортному обеспечению полярников, вручил им правительственные награды и обещал дополнительную взлётно-посадочную полосу.

Для справки: Основную часть пути до ЮАР Сергей Иванов проделал на самолёте Ил-62VIP. Последний шестичасовой участок между Кейптауном (ЮАР) и «Новолазаревской» прошёл на транспортном самолёте Ил-76ТД. Ранним утром по местному времени лайнер выполнил посадку на аэродромной базе станции «Новолазаревская». Вместе с господином Ивановым в Антарктиду прибыли министры транспорта и природных ресурсов Игорь Левитин и Юрий Трутнев, а также президент Объединённой авиастроительной корпорации Алексей Федоров.

22 марта 2008 года антарктический остров Кинг-Джордж, где расположена российская полярная станция «Беллинсгаузен» посетил глава Совета Федерации Сергей Миронов.

«Источнику стало известно...»

Для справки: «Новолазаревская» – это семь капитальных сооружений типа «Горизонт» (дома из алюминиевых панелей на металлическом каркасном фундаменте), несколько зданий из щитовых деревянных конструкций, аэродромная база. К югу от оазиса начинается ледяной купол, на котором в 1980 году была построена взлётно-посадочная полоса – снежно-ледовая, действующая и поныне. На станции есть шесть тяжёлых гусеничных транспортёров и снегоходов. Смена персонала происходит один раз в год, в марте, на научно-экспедиционном судне «Академик Фёдоров». Зимовочный коллектив станции – 28 человек, а в сезонный период здесь работают 40—50 российских и иностранных специалистов.

Для справки: – самой крупной в Антарктиде станцией является американская «Мак-Мёрдо», представляющая собой настоящий город с тремя собственными аэродромами, оранжереями для выращивания овощей и фруктов, почтой и даже телевизионной станцией.

Система снабжения и транспорта этих станций налажена и достаточна.

«Источнику стало известно...»

«... вопреки общепринятому мнению, Адольф Гитлер с 1943 года не находился ни в Берлине, ни на территории Германии вообще. Всё это время, до самого окончания войны, он пребывал на территории Польши в своей морской резиденции в замке Дарлоу. Двойники Гитлера выступали на демонстрациях, проводили совещания и военные советы, ездили по Германии в бронированных эшелонах, на них готовили покушения разведка США и Англии.

В апреле 1945 года Адольф Гитлер на подводной лодке покинул ангар в Дарлоу и вышел в море. Его сопровождали субмарины, оснащённые двигателями Вальтера, аналогов которым по сей день нет ни в Англии, ни в США, ни в России. Лодки взяли курс на Канарские острова, где у нацистов была устроена промежуточная база, затем они посетили Западную Африку, Аргентину и, наконец пошли на юг, в Антарктиду.

По имеющимся сведениям Адольф Гитлер умер на базе в Антарктиде в 1971 году, был кремирован по древнему обычаю Тевтонского ордена лишь в 1982 году, после того, как были кремированы, чтобы избежать идентификации и по личному указанию генерал-полковника Андропова Ю. В. останки его двойников.

Для справки: с 1945 по 1971 год Гитлер только один раз, в 1953 году, совершил поездку на «большую Землю» в Гелиополис, о-в Земелек, предместье Каира, где он имел встречу с Мартином Борманом и своим личным пилотом Гансом Бауром, которого специально для этого выпустили из советской тюрьмы».

«Источнику стало известно...»

«Командир субмарины U-530 из соединения „Конвой фюрера“ Вильгельм Бернхард показал на допросе, что его корабль 13 апреля 1945 года вышел с базы в Киле и взял курс на Антарктиду. Высадившись на материке в заданной точке, 16 человек из команды перетащили в некую тёплую пещеру тяжёлые ящики, содержащие реликвии Третьего рейха: копьё Судьбы, Святой Грааль, другие полумифические предметы, а также документы и личные вещи Гитлера».

«Источнику стало известно...»

«Истинная причина посещения директором Федеральной службы безопасности России Николем Патрушевым Антарктиды не установлена, но по отзывам мировых СМИ «главный чекист России, совершив свой экстремальный поступок, поставил в тупик ФБР, ЦРУ и прочие спецслужбы США. Уж не решился ли он принять участие в разгадке тайны немецких поселений?».

Для справки: 22 февраля этого года Президент России Владимир Путин, вручая в Кремле награды заслуженным людям, военным, артистам, спортсменам, заметил: «С такими людьми можно не только в разведку пойти, но и в Антарктиду поехать».

Глава вторая

Отрыв

1

Медленно, очень медленно, оттесняя собою первый снежок и сгребая его в конусный валик открылась дверь подъезда. Лампа, висевшая над узким козырьком подъезда, давала тусклый оранжевый свет, в котором водили хоровод крупные, влажные снежинки.

В конус этого света, из темноты подъезда давно уже спящего дома, вышел молодой мужчина в модном пуховике, с большим портфелем светло-коричневой кожи. Андрей.

Час назад он, дав денег на такси своей подружке, выпроводил её, поцеловав на прощание в заплаканные глазки. Сам же быстро собрал необходимое, и бегом на выход, в аэропорт. Время, отпущенное верным другом на эвакуацию, заканчивалось.

Метрах в пяти, от двери спящего подъезда, там, в тупичке, рядом с мусорными баками стояла машина. Присмотреться, так стояла с вечера. Но, вот что странно, крыша и багажник были покрыты снегом, а на капоте машины снега не было!

Работал тихонько, почти неслышно движок. Он спящим в большом доме людям, вроде и не мешал, но, часами жечь бензин? Кому позволительна в наше рыночное время такая роскошь? Конечно, первое, что и пришло Андрею на ум – людям служивым, государственные интересы охраняющим.

Вот, посмотрите – и антенна специальная, суставчатая на крыше. И стёкла как зеркала – затонированы насмерть. И вообще – ситуация!

А два крепыша – «одинаковы с лица», коротали время в служебном автомобиле, как могли. Разделяла их служебное ночное бдение старенькая магнитола. Она тихонько хрипела узнаваемым голосом модный мотив.

Много ребята курили, и в салоне прочно утвердился сизый туман. «Инструкция» категорически запрещала им отвлекаться на что бы то ни было. Потому не было в служебной машине ни карт, ни телевизора. А разговоры просто так, пустые разговоры ни о чем, считались занятием женским, недостойным настоящих мужчин.

Как их звали? Да никак их не звали – приходили сами и всегда не вовремя! И смотрели в спину и дышали в затылок. Для простоты восприятия, и чтобы не путаться, мы будем называть их просто Первый и Второй.

Сквозь запотевшее от волнения лобовое стекло, Первый/Второй смотрели на вышедшего из подъезда мужчину.

Первым (ну, так получилось!) подал голос Второй:

– Выполз, наконец! – Некоторое время он молчал, рассматривая «клиента». – Смотри-ка, ну, какой из него экстремист! Ищет, наше долбанное начальство, ведьм по подворотням...

– Звони, не нашего это ума дело. – Первый на то и Первый, чтобы командовать. – Скажи – взять!

Второй взял трубку радиотелефона, установленного между передними сиденьями автомобиля. Нажал несколько, требуемых случаем кнопок.

Передумав, положил трубку на место.

– Позвоню... когда повяжем

– Ярар! Пошли, – согласился напарник.

Первый и Второй, поскрипывая казенными кожанками, начали выбираться из машины. Каждый со своей стороны автомобиля. Первый уже огибал машину, направляясь навстречу Андрею, который притормозил на свежесвыпавшем снеге перед неожиданно вынырнувшей из автомобиля фигурой, в распахнувшейся кожаной куртке.

Андрей был изрядно утомлён прощальным вечером с подружкой любимой. Утомлён он был хмельными ласками и хмельными напитками вперемешку. Другой, на его месте, уже спал бы давным-давно радостным крепким сном вполне удовлетворенного жизнью самца.

А этот – нет, не спал, рвался в аэропорт, спасая свою жизнь, был насторожен и сосредоточен на этой цели и задаче.

Потом, много лет спустя, Андрей будет задавать сам себе вопрос:

– А стоило ли? – И сам себе отвечал, – А, почему нет? Жизнь-то дается, прав был Николай Островский, только один раз! Чтобы её достойно прожить, надо её и беречь!

Потому и заметил он под курткой, внезапно появившейся перед ним в ночи фигуры, на ремне широком, кожаном, оперативную кобуру. Кобуру, подмигнувшую ему в свете фонаря воронёной сталью. Заметил Андрей и антенну радиостанции на крыше автомобиля. А тут еще из открытой двери машины донесся скрипучий голос милицейской рации.

Первый хотел обратиться к Андрею задушевно, чтобы не спугнуть и избежать эксцессов, но, севший за время долгого ночного ожидания голос его выдал. Захрипел он не слаще милицейской рации:

– Гражданин! Мож...

– Да-а-а! – выдохнул Андрей.

Здесь необходимо упомянуть, что Андрей, до того, как стал журналистом, учился в спецшколе флотской разведки всяким разведывательно-диверсионным премудростям. Кое-что запомнил и усвоил из курса рукопашного боя. Не уличной кулачной схватки, нет! Его приемы рукопашного боя включали в себя лучшие наработки таких видов борьбы, как самбо, карате, дзюдо, вольной борьбы и даже бокса. И уделялось их изучению достаточно времени, чтобы боец смог, при необходимости, в одно мгновение шоковым, травматическим, а то и смертельным приёмом подавить противника.

Кстати, и писал он, преимущественно на криминальные темы, общаясь при этом, с самым разным народом, часто охочим до грубых шуток. И никому из шутников, в голову не пришло бы назвать его «ботаником».

Мгновенно сложив два и два, Андрей получил единственно правильный, в этой ситуации, ответ и принял единственно верное решение.

Он бросил в лицо подходящему к нему, Первому, звякнувшую металлом связку домашних ключей и одновременно ударил ногой по дверце автомобиля. Дверь, в свою очередь, треснула по голове уже начавшего выбираться из машины Второго лобастика.

Первый, с неожиданным для его комплекции визгом, закрыл лицо руками, присел на корточки, сквозь пальцы проступила кровь, казавшаяся чёрной.

Второй, оглушенный ударом, молча выпал из машины на снег.

Андрей нырнул в машину, вырвал вместе со шнуром телефонную трубку и вытащил ключи из замка зажигания. Ключи забросил в одну сторону, подальше от машины, а сам рванул в другую, в сторону угадывающейся между спящими домами широкой улицы.

2

Минут через двадцать, изрядно попетляв по тёмным дворам, Андрей стоял, переводя дыхание, под исходящим жёлтым светом уличным фонарем. Ловил ночное такси. Его город, подражая Столице, уже привык к ночной жизни и проблем с машинами, чтобы подъехать-уехать, не было.

Вот, смотрите, весело подмигнув оранжевыми фонарями, притормозила рядом с ним иномарка с какой-то геометрической фигурой на решетке радиатора. Таких машин сейчас в России – пруд пруди, их даже больше, чем отечественных, из города Тольятти.

Машина не из дорогих и престижных марок, не из тех, что угоняют, выкинув хозяина на обочину, но водитель был профессионально осторожен на ночной улице. Не открыв двери, спросил через щель в приоткрытое стекло:

– Вам куда?

– Аэропорт, – Андрей наклонился низко, хотя никто и не мог его подслушать. – Только быстро! Плачу...

– Садитесь, раз быстро, – водитель пытался рассмотреть, насколько это возможно пассажира и его скудный багаж. – Опаздываете?

– Да, типа, в Артек лечу... – уклонился Андрей от прямого ответа.

3

Глубокая ночь. Чёрная дорога блестела первым ледком. Редкие машины слепили встречных собратьев нестерпимым светом «ксенона». Скрашивало дорогу мурлыканье популярного певца, или певицы – не разберешь, чьим сейчас голосом поют автомагнитолы.

Слева, по ходу движения машины, появились в высоте подсвеченные прожекторами буквы – ГИБДД. Под ними примостилась двухэтажная башня самого поста. Окна первого этажа светились дежурным, синим светом. Поперек дороги дружелюбно помигивал красными огнями опущенный на ночь шлагбаум.

Остановились, соблюдая ПДД.

Ждали.

Дождались.

От здания поста к машине шёл, не торопясь, человек в форме, похож был на сержанта. То есть, на нём была форма сержанта полиции, но сам он, своими формами больше был похож на бегемота среднего размера. Хотя всё необходимые для выполнения служебного долга атрибуты были при нем – и палка полосатая и одышка шумная.

Андрей процедил сквозь зубы:

– А вон и они... Конечно, где капуста – там и козлы!

– Да уж, – водитель был вполне согласен с клиентом. – Вроде всё в порядке, а неудобно.

Как говорится – плох тот мент, который до столба не докопается!

Сержант, наконец, дошёл до машины, но смотрел не на неё, а в сторону города, процедил слова лениво:

– Проверка документов... и багажника, открывайте.

Сержант уже взял протянутые ему документы, но заметил приближающийся яркий свет модных дорогих фар, быстро сунул, почти бросил кожаную книжечку с правами, попав точно в руки водителя и поспешил, радостно блестя глазами, навстречу уже хорошо видимому джипу.

Глава третья

Поехали, покойнички!

1

Всё, что могло, вокруг длинного, приземистого, ярко освещённого изнутри здания городского Аэровокзала шумело, шуршало, свистело и поскрипывало множеством разных технологических звуков и шумов, связанных с гражданской авиацией. Как непосредственно к ней, гражданской авиации, относившихся – высокий свист самолётных турбин и ласкающий слух рёв турбовинтовых моторов, так и имевших самое косвенное отношение к серьёзному делу воздушных перевозок различных механизмов – снегоочистителей, топливозаправщиков, и десятков других машин аэродромной службы.

Весьма сложное механическое и логистическое хозяйство аэропорта ежедневно потребляло сотни тонн авиационного керосина (точнее – продукта 51), бензина и дизельного топлива. Мощные двигатели тягачей, автозаправщиков, целого косяка специальных машин, обеспечивающих чистоту и требуемую «сухость» ВПП, переваривали это топливо в горячих цилиндрах и выбрасывали его остатки сизым, синим, чёрным выхлопом в окружающую аэропорт атмосферу (так и хочется написать атмосфера через «э» – атмосферэ!).

При этом вся механическая братия, пыхла, стрекотала и сигналила. Каждый механизм по-своему, и всяк – на свой лад.

А, ещё хрипели и переругивались между собой громкоговорители, принадлежащие различным аэродромным службам. Может, и не переругивались, просто так они общались друг с другом, как цыгане в большом городе, которых каким-то ветром перенесло из необозримого свободного пространства ковыльных степей в каменно-бетонные джунгли. Все блага «цивилизации» – для них. Водопровод, душ и тёплый туалет! Лифт! Телефон!

Живи и радуйся? Нет, выходили эти славные люди из удобных квартир на городские улицы, собирались у своих подъездов тёплыми летними вечерами. Грустили и веселились. Изредка – пели.

Общались. Шумно. И, шумным своим общением пытались подавить, или заглушить неистребимую тягу к простору, к Свободе, в конце концов! Проходя мимо этих замечательных людей, иной раз подумаешь всё – наступает последняя секунда перед кровавым побоищем. Нет, граждане, это обсуждали и устанавливали черноголовые красавцы и красавицы завтрашние цены на тапочки домашнего пошива, которые повсеместно продавали старушки, нанятые из толерантного местного населения. Что может быть проще и понятнее?

И светового оформления хватало в аэропорту, с избытком. Везде горели оранжевые и, почему-то называемые «дневного света», лампы прожекторов, фонарей, и светильников, сигнальных столбиков на автостоянке и красные фонари на концах шлагбаумов.

Среди этого бесплатного цвето-шумового бытия, наш герой – Андрей, подняв воротник канадского пуховика, топтался, как конь, недалеко от решётчатой калитки под табличкой «Служебный вход». Коричневый портфель хозяина в ожидании лучшей доли прислонился к холодному металлу. Ожидание затягивалось и замерзающий портфель, поскрипывая, начал слегка заваливаться на правый бок. Его хозяин завернул холодным пальцем рукав куртки и посмотрел на часы.

– Рейс уже объявили. Должны бы уже быть... а, вот и они!

От здания Аэровокзала, подняв узкие воротники форменных шинелей и пряча руки в карманах, шли три человека. Судя по блестящим золотым галунам – Командир, Второй пилот и Бортмеханик.

Андрей ловко засеменял навстречу людям в синих шинелях, доставая из внутреннего кармана заготовленную для этого случая бумажку. Обычную бумажку, писчую. Но были написаны на ней слова заветные, от человека нужного, с просьбой помочь и т. д. К обычной бумажке

прилагались и знаки обычные – шуршащие денежные знаки. В количестве нужном и необходимым, ну, Вы понимаете!

2

В кабине самолета АН-24, за креслом второго пилота, как раз на месте бортрадиста пристроился Андрей, весьма довольный своим успешным проникновением в самолет. В модном пуховике он еле втиснулся на узкое жёсткое сиденье и с мальчишеским интересом посматривал по сторонам.

А посмотреть здесь, особенно человеку любознательному, было на что! Рычаги, выключатели или включатели, циферблаты и шкалы приборов. А на них – стрелки и стрелочки. И всё это – вокруг! Справа – слева, снизу – сверху! Везде, везде вделаны – уделаны, встроены – пристроены какие-то умные приборы и приспособления для полёта. Да, невольно сознаешь, глядя на всё это великолепие, что человек не птица, и одних крыльев для полёта ему мало. Но и самолёт, как бы совершенен он ни был, сам по себе не летает. И ко всем этим замечательным приспособлениям, мерцающим, щёлкающим, сверкающим и жужжащим прилагался экипаж из людей знающих, на что и когда надо посмотреть или нажать. Или, нажать, посмотреть – потом, или наоборот. В нашем случае, это – бортрадист, бортмеханик, второй пилот и Командир, отвечающий за всё и за всех.

Кстати, вот и он, Командир! Зашёл в кабину по-хозяйски, бросил косо взгляд на неожиданного пассажира. Первое впечатление его удовлетворило, он даже поощрительно подмигнул Андрею. Достал из-под форменного пиджака пистолет и положил его на какую-то специальную полочку, слева от командирского сиденья. Сел на своё место и начал священнодействовать.

Командир пощёлкал многими тумблерами, и ещё одним. Самолёт начал оживать, вот он уже захрипел бортовым переговорным устройством, следом прорезались голоса аэродромных служб и в кабине сразу стало шумно, как на платформе Казанского вокзала.

– Юля! Задерживаешь вылет! – Командир опробовал внутреннюю связь. – Смотри, прилетим на место, отшлепаю тебя по...

Раздался шорох в динамиках, помехами называемый.

– ... мешалкой! – Закончил Командир.

Он накрыл одним взглядом присутствующих в кабине, достал из-за спины, из кармана своего сиденья, бутылку водки. Поставил на полку, рядом с пистолетом.

Второй пилот и бортмеханик в это время щёлкали каждый своими тумблерами, переключателями, выключателями, поворачивали краны и вентили, заглядывая при этом в регламентные карты.

Деловую суету мужчин нарушила своим крепким телом вошедшая в кабину молодая девушка – стюардесса Юля. Это к ней, пару минут назад, обращался Командир, грозя использованием кухонных принадлежностей для наказания.

А она наказания не испугалась и, вот, зашла в кабину с подносом. На подносе разная полётная мелочь – пузырящиеся серебром стаканы с минеральной водой, краснеющая на бутербродах икра.

Командир был доволен таким быстрым исполнением приказа. Одобрительно качнул седой головой. И о деле не забыл – нажимая одной рукой свои разные хитрые кнопки, другой начал сворачивать винтовую пробку бутылки, которую предусмотрительно зажал между колен.

С пробкой Командир справился профессионально, сам же сделал из бутылки пару хороших глотков. Протянул руку назад, и Юля с готовностью вложила в неё бутерброд. Командир закусил, запил минералкой.

– Во! Это уже порядок, – крикнул он от удовольствия, передавая бутылку вправо, второму пилоту. – Держи, Второй, за нашу мать – удачу!

Освободившейся рукой Командир одобрительно похлопал Юлю по круглой, туго обтянутой форменной юбкой, попе. Та грубой ласке не противилась, наоборот, выпятила свое кру-

тое «достоинство», чтобы мужской, командирской, руке было удобнее. Руке – удобнее, а её – приятнее. Внимание, знаете ли, ко многому обязывает...

Второй пилот с видимым достоинством отпил, закусил, протянул бутылку назад – Андрею, показывая ему на поднос с закуской:

– Давай, земляк, за удачу!

Андрей, немало удивленный всем увиденным, решил поступать по известному, самому надежному принципу – «делай как все», с благодарностью принял эстафету.

– Благодарю! – И, как все, отпив пару глотков из бутылки, передал её влево, через узкий проход, бортмеханику.

Кругооборот «огненной воды», которой отчаянные лётчики отводили роль «воды святой», был, наконец, завершён и предполётный ритуал окончен. Командир окинул внимательным взглядом всех присутствующих в кабине, повернулся в кресле, занимая рабочее положение и весело скомандовал:

– Ну, полетели, покойнички!

Бортмеханику не понравилось, как изменилось при этих словах лицо Андрея и он, протянув руку через узкий проход между сиденьями, похлопал того по плечу.

– Не бери в голову, шутит командир. Он такой у нас! А самолёт этот – самый надёжный, в смысле безопасности. Если что, спланируем. – Это так он пытался ободрить пассажира. – Крылья видел, как расположены? Это тебе не на Тушке валится с небес. Вот те, да – пикируют, а мы планируем! Чувешь разницу? Ну, давай, не переживай, полетели!

Андрей, глубоко вздохнув, откинулся в чужом сиденье и повернулся к близкому иллюминатору.

Глава четвёртая

А в это время...

1

Было ли ещё, хотя бы одно, на этом свете место, где запросто можно перепутать быть со сказкой? С той сказкой, бесконечно далёкой, светлой до прозрачности, сказкой из далёкого детства, в которой снег и горы, много солнца, часы и шоколад, банки и Большой Андронный Коллайдер.

Снег и горы, много солнца, часы и шоколад, банки и Большой Андронный Коллайдер. Да, всё это было в одной маленькой, но упорной в отстаивании своего суверенитета, европейской стране. В Швейцарии.

Граничащая с ведущими, как они себя сами позиционируют, странами старушки Европы – Германией, Австрией, Италией и Францией, она переняла и впитала за долгие века добрососедства всё лучшее – высокие технологии, удивительные идеи, суперсовременную медицину, отточенную организацию горного туризма и отдыха в горах.

Полдня можно здесь ходить – придумывать – что бы ещё пожелать, из необычного, из неизведанного, чтобы озадачить гостеприимных хозяев.

Придумал, допустим, спросил, хитро прищунив глаза (мол – слабо!), а они, швейцарцы и вопроса не дослушивают, сразу предлагают не один и не два варианта ответа – за ваши деньги любой каприз! Всё, что захотите или пожелаете! И, даже больше.

Но здесь попадались и настоящие жемчужины, такие как Гштаад – элитное место, курорт для избранных, полностью лишённый показного снобизма. Единственный отель – «Gstaad Palace» (могу подтвердить – действительно шикарный), был самым крупным зданием курорта, он возвышался на холме, в центре города. Остальные же домики и отели были построены в традиционном стиле альпийских шале, и деревянная резьба местных ремесленников придавала им особый, неповторимый колорит.

А выше, в крутые горные склоны насмерть вцепились своими каменными лапами – фундаментами добротные деревянные дома, которые назывались шале и которые стояли здесь, в окружении вековых елей, аж с семнадцатого века. Раньше жили в этих домах простые, с детскими душами люди – альпийские пастухи и скотоводы.

В начале двадцать первого века курорт стал излюбленным местом отдыха элитной публики, коронованных особ и звёзд первой величины, бизнесменов, съезжавшихся сюда не только покататься на лыжах, но и для приятного времяпрепровождения.

В Гштаад любил приезжать принц Чарльз, здесь бывали Майкл Джексон, и принцесса Диана. Здесь, в Гштааде, жизнь отдыхающих протекала беззаботно и радостно.

Конечно, и среди этого реального праздника жизни попадались люди деловые, занятые, в заботах повседневных, на чьих лицах редко появлялись радостные улыбки. Такие лица ещё называют суровыми, или серьёзными лицами.

В описываемый момент времени несколько таких лиц, суровых и серьёзных, собрались в шале, в доме под большой крышей с широким козырьком для защиты от снега, с резными балконами на еловых, грубо обработанных балках. Нарочито простые фасады скрывали великолепный интерьер – стены из отёсанного бруса, гигантские балки, поддерживающие потолок, массивные деревянные двери.

На первом этаже шале-дома был обустроен просторный салон-гостиная, окна которого выходили на узкую заснеженную долину. В ней особенно выделялась большая софа, обитая шёлком с цветочным рисунком, позолоченные деревянные табуреты, покрытые роскошным вельветом, инкрустированный костью стол в австрийском стиле.

В противоположном, от софы, углу, рядом с картинами живописцев голландской школы, расположился изящный венецианский столик восемнадцатого века. На его полированной поверхности возлежала фигурка обнажённой женщины, уникального бронзового литья.

А был ли настоящий стол? Стол, конечно, был, позолоченный стол времен Луи XIV. Он отражался в изысканном зеркале, которое занимало почти всю противоположенную стену. В нём же, отражаясь, величественно сияла хрустальная пирамида люстры, изготовленной на заказ русским мастерами из Гусь-Хрустального.

Жилище, если судить по вышеописанным предметам декора и интерьера, могло показаться прибежищем свергнутого с престола монарха, который успел захватить в изгнание некоторые вещицы обстановки своего дворца. Почему могло показаться, если он и было таковым? Вот почему.

Встречаются люди, которые переступают через законы, а встречаются и такие, что вытирают об них ноги. Власть этих людей незрима, совершенно не терпит огласки и не любит публичности. Осуществляется она негласно и неумолимо. Все решения таких людей претворяются в жизнь, или в смерть, немедленно и неотвратно.

Собравшиеся на сегодняшнюю встречу в Альпийском шале, имели неограниченную власть, каждый – по своему виду и направлению деятельности в Великой Криминальной Империи.

Да, одно совершенно необходимое уточнение. Законы, о которые вытирали ноги эти люди – это законы их родной страны, лежащей от Альпийских красот далеко на Востоке. Законы Швейцарии, приютившей их, соблюдались тщательно и, даже щепетильно до тех пор, пока не затрагивались интересы Империи и носы разных любопытных Буратин, всяких там журналистов – папарацци, отсекались решительно и насовсем.

Зная об этом, Автор не только не решился бы заглянуть в эту уютную гостиную, но и не приближался бы к самому Гштааду километров на пять-восемь.

Однако, не заглянув сейчас в гостиную и не послушав, о чём говорят собравшиеся, мы многого не поймём из того, что ждёт наших героев.

Заглянем и послушаем.

2

Спиной к столику, опираясь на него локтями, вытянув ноги далеко вперед, сидел БАНКИР. Из примет – темные очки, в углу рта постоянно тлеющая сигара.

Вокруг стола расположились на резных стульях: МОНГОЛ – смуглый человек с бритым черепом, каменными руками и железными нервами;

ЛЁХА – молчаливый здоровяк со стеклянными глазами, под дорогим пиджаком синяя футболка с вывязанными морскими узлами;

ПЕЛИКАН – сутулый, крайне худой, на голове седой ёжик, во главе стола, напротив входной двери.

На мягкой софе устроились любители уюта:

АНТИКВАР – большой, грузный человек с постоянно улыбающимся лицом;

МАХНО – сухой, чернокудрый, круглые очки и цветной шелковый платок на шее делали его похожим на художника;

ИВАНЫЧ – далеко в возрасте, но в движениях быстр, щеки были прорублены морщинами, породистый нос, свитер, брюки и туфли – белые.

Пеликан опирался руками в край стола, разгружая и поддерживая, таким образом, поломанную сутулую спину. Засипел сердито:

– Берлога у тебя, Иваныч, как изба старовера.

– Почему это? Деревяшки што-ли эти... – Иваныч обвёл взглядом интерьер своего шале.

– Ты, Пеликан, не в Туруханске, в Альпах сейчас! – это Антиквар подал голос со своего места.

– Понятно, что заграница, – вновь засипел Пеликан. – А, вот, брёвнышки то наши, русские!

Пеликан залаял сухим кашлем, вытер слёзы. Присутствующие почтительно ждали. А он продолжал гнуть свою патриотическую линию:

– Листвянка, она ведь только в России произрастает!

Махно давно знал этого «патриота» и начал уже опасаться, что важный разговор может перейти в коллективное исполнение народных песен.

– Господа, господа, время... Ну, давайте уж ближе к делу! – поторопил он собравшихся.

– И то! – согласился с ним Иваныч. – Руслана ждать не будем?

Он посмотрел через стол на Монгола, изобразив бровями вопрос.

– Звонил, – Монгол ответил быстро и объяснил доходчиво. – Он ещё в Базеле. Херова лавина на дорогу сошла!

– Ладно, – решил Иваныч. – Как говориться – семеро одного не ждут!

Он повернулся в сторону столика с бронзовой красавицей, разлгшейся на его поверхности, посмотрел через него в угол, где дымилась сигара, и где поблескивали в конусе света носки лакированных туфель.

– Давай, Банкир, твой выход! – пригласил он сидящего в углу.

– Да я отсюда, Иваныч, пару слов... – куда, действительно, Банкиру торопиться? Он повернулся к столику, придумывая, как бы пристроить сигару, и пристроил её на край стола.

– Значит так, братва, молодые наши таланты, смена, так сказать, доломала шифр моего дедушки. Прочитали-таки, его записки!

– Во! – заколыхался на мягкой софе Антиквар, его улыбка распахнулась до ушей. – Я же говорил – не зря ребяташек в Англии учим!

– Да, да... – согласился с ним Банкир. – Ученье – свет, и так далее!

Махно в нетерпении поправил платок на шее, поторопил:

– Давай, Банкир, давай, брателло! Про дедушку! – он даже наклонился вперед, навстречу тому, что хотел, ну очень хотел услышать. – Ну, что он там, в натуре, написал про золотишко?

– Кстати, братва, пока не начали о золоте, – перебил его Монгол – Договоримся сразу, что объявление в газеты давать не будем, справимся своими силами!

«Источнику стало известно...»

За белой каменной стеной Софийский собор, стоящий на высоком крутояре, сиял золотом всех своих куполов. К собору пригнудились несколько одно- и двухэтажных домов, хотя и был среди них один, похожий на тюрьму, в три этажа. Чем дальше от собора, тем – дома ниже, а грязь – жиже. Поздняя осень!

Город каменный, предводительствуемый собором, нависал над городом деревянным, над первым в Сибири театром, над домами купцов и судовладельцев, в которых родились Менделеев и Ершов, где творил композитор Алябьев.

Батюшка-Иртыш лениво отражал в своих осенних, свинцовых водах и крутояр, и собор, и прочия-разные городские строения.

К тому месту, где ещё совсем недавно, только-что прошедшим летом, стояла пристань для пассажирских пароходов под названием «ТОБОЛЬСКЪ», к невысокому берегу седого Иртыша, пригнудился острым концом своего узкого корпуса, так называемым форштевнем, небольшой пароходик, длиной метров тридцать, или чуть больше, с чёрным корпусом и серой рубкой.

По чёрному фальшборту были тщательно прописаны белые буквы названия «Обь». Маленький пароход временами шипел сердито, совсем как взрослый, ни с того ни с сего выпускающая струйки пара из совершенно неожиданных мест. Пульсировала струя извергающейся из борта воды. Будто поршневой насос откачивал воду из неглубокого трюма.

Высокая мачта одиноко и глупо торчала перед серой надстройкой, но настоящий моряк, тот сказал бы сразу что-то вроде: – Ребята, этот пароход – произведение настоящих мастеров – кораблестроителей, и не надо про его невзрачный вид и малые размеры. Не тот случай! Точнее, тот самый случай, когда не размер имеет значение, а мастерство судостроителей. Вот, только десять лет прошло как чертило под названием «Титаник» пошёл ко дну посредине Атлантики, а каков был размер, какие обводы! Казалось бы, не то, что на льдину, на остров среднего размера наедет этот «Титаник» – и конец острову! А, посмотрите – нарвался на серьёзную льдину, на айсберг, и – ага! Глупый айсберг – а что там, в этом айсберге, один лёд, остался целым, а блестящая вершина человеческого разума и творения на начало двадцатого века, пароход «Титаник», со всеми его богатырскими размерениями – на дне.

Отвлеклись и zapomнили – размер не имеет значения! В судостроении это аксиома.

У правого борта пароходика стояла баржа с углём, насыпанном тремя невысокими конусами. Ну, как невысокими – не по колено, конечно, в два роста человеческих. Всего, в этих трёх угольных конусах, угля для парового котла было припасено, пожалуй, месяца на три – четыре.

В небольшую избушку – надстройку на корме баржи солдаты, большие похожие в своих чёрных шинелях на матросов, затаскивали с вязкого илистого берега какие-то токи, ящики, вязанки берёзовых дров, толстопузые бочки, создавая полное впечатление того, что старый пароход в паре со своей немолодой подружкой – баржей затеяли весьма рискованное, для этого времени года, предприятие.

Со стороны эта надстройка казалась почти настоящей, такой знакомой и милой сердцу русского солдата, деревенской избушкой. Даже дымок над невысокой трубой курился совсем по-домашнему.

На сам пароход, с берега, были перекинута две широкие доски, в два дюйма толщины, с редкими поперечными брусками. Доски глубоко прогибались под солдатами в таких же чёрных шинелях, попарно переносившими небольшие деревянные ящики с берега на борт «Оби».

На берегу, у невысокой пирамиды из ящиков, стояли, наблюдая за погрузкой, два офицера, понятно, что в чёрном. Один, лет сорока пяти, с наметившимся животиком и сбитой далеко на затылок фуражке напоминал своими усами флотского офицера, какого-нибудь просолённого старпома с парусника, из тех, что в прошлое столетие бороздили моря и океаны, открывали новые земли и давали им названия, не испрашивая разрешения ни у дряхлеющей Англии, ни у какающих ещё в свои штаны Соединённых Американских Штатов.

Второй – тот был интереснее. Высокий красавец польского разлива, с соответствующими облику густыми усами, чуть обожжёнными табаком. Один глаз серого цвета, второй – голубого. Причём, глаз голубой, после контузии, полученной во время Брусиловского прорыва, практически ничего не видел, но выглядел потрясающе красиво.

Кстати, результатом этой контузии была глухота на одно ухо, потому штабс-капитан старался держаться к собеседнику одним боком, напоминая всем своим обликом яхту, идущую в крутой бакштаг.

Судя по выражению их лиц, офицеры вели разговор о вещах хотя им известных, и понятных, но весьма малоприятных для обоих.

– Вот и всё, господин Шаблинский! Приплыли... – это тот, что постарше, заговорил с грустью в голосе, и тут же уточнил. – Мы приплыли, а Вам ещё плыть да плыть!

– Господин полковник! Куда на этом, – штабс-капитан показал на сопящий пароходик. – Куда на нём можно уплыть? Пять метров ширина! Одиннадцатый год постройки! На две паровые машины триста сорок лошадиных сил! Октябрь на дворе...

– Бросьте, штабс-капитан! Что – октябрь? Берите пример с Адмирала, он весь Север исходил, во льдах, и ничего! Доплывёте до Обдорска, а там вас англичане встретят.

– Встретят? – в голосе штабс-капитана зазвенело сомнение. – Англичане? Господин полковник, нас встретят англичане?

– Встретят, встретят, не сомневайтесь! На Вас, всех нас и на всю Россию им, конечно, наплевать, а, вот за это золотишко они постараются.

– Владислав Станиславович! Осень ведь, тысячи километров неизвестного пути впереди... а мы, с таким грузом, на этом...

Штабс-капитан выразительно кивнул в сторону пароходика. При этом один его глаз вспыхнул праведным негодованием, а второй, невидящий, вдруг повернулся и уставился на полковника.

– Послушайте, Николай Александрович! И, особо прошу – запомните, что я Вам сейчас скажу. – Седой полковник закрылся от этого неживого взгляда ладонью, из-под неё испытующе посмотрел на подчиненного. – Не зря Вас выбрали для этой экспедиции, понимаете – не зря, и особо! Золото, которое Ваша команда будет сопровождать, очень важно для борьбы, которую мы ведём за освобождение России. И оружие, которое мы купим за него, тоже важно.

Полковник потянул Шаблинского за рукав, зашёл вместе с ним за штабель из ящиков, оглянулся несколько раз, ну, чисто ребёнок – кто бы смог подслушать их разговор здесь на холодном берегу замерзающего Иртыша? Продолжил почти шёпотом:

– Николай Александрович, Выслушайте меня очень внимательно, примите к сведению и для исполнения, и тут же забудьте всё, что от меня услышали!

– Э-э...

– Не перебивайте, пожалуйста. Это золото нам важнее будет для другого дела, к которому можно будет приступить лишь лет через двадцать. Всё это – дело сегодняшнее, – полковник, широко развел руки, показывая на то, что их окружает. – Поймите, мы проиграли и надо думать о возрождении. Для этого понадобится много золота, и, если Вы заплутаете в протоках этой реки, а заплутаете Вы точно...

– Точно, господин полковник, заплутаем и потеряемся, я все понял!

– Так вот, груз надёжно спрятать, пароход отогнать подальше и затопить, команде выходить в сторону Архангельска, через Урал.

– Владислав Станиславович! А где, по Вашему мнению, мы можем заблудиться, заплутать, как вы изволили выразиться?

– Пойдёмте на пароход, Николай Александрович, покажу Вам точку на карте и инструкцию передам от самого Адмирала, он знает эти края и людей, пойдёмте!»

Глава пятая

Воздушный извозчик

1

Много лет тому назад, если точнее, зимой 1953 года, жители маленького, но весьма богатого своей историей Берёзово были разбужены рёвом буровой на окраине посёлка. Газ из скважины шёл с такой силой, что замороженная веками земля дрожала на километры вокруг.

Всё в нашем мире связано и, следом за газовым фонтаном, забил фонтан щедрого, почти не ограниченного финансирования. Разрушенная недавней страшной войной страна умудрялась находить средства на восстановление своего хозяйства, выделяя при этом и на атом, и на космос, и, вот, на разработку нефтегазовых месторождений в Сибири.

Появились в некогда глухом краю деньги, за ними пришли люди, привезли вещи, понастроили жильё, дороги, аэропорты, нарожали детей, и своим, не надо лишней скромности, героическим трудом отсрочили, лет на тридцать, падение и развал некогда могущественной державы – Союза Советских Социалистических Республик.

В те времена поднялась вся страна, воодушевлённая близостью неожиданно свалившегося на неё сырьевого счастья. И потянулись через таёжные болота, вечную мерзлоту, через сотни речек и рек, так называемые «нити» газопроводов. Потянулись караваны речных судов по речкам, и названия-то которых были прописаны на картах не всегда.

Уренгой – Помары – Ужгород, с этого словосочетания начинались все новости Центрального телевидения и заседания Политбюро. Казалось, страна взялась за одно большое дело, общее дело.

Для руководства освоением территории, превосходящей, возможно, Францию, в центре посёлка быстро построили добротное четырёхэтажное здание, вселили в него райком партии и райисполком.

Что ещё построили? Гостиницу для приезжающих по вызову или с проверками и здание аэропорта, одноэтажное. С перспективой на дальнейшее развитие. Даже проект утвердили. А вот построить – не успели. Всё время уходило на ускоренное бурение скважин, выкачивание газа и прокладку трубопроводов.

Получилось так, что люди прибывали, а возможности их достойно обслужить, как пассажиров, остались на уровне середины прошлого века. И, как памятник несбывшимся мечтам, метрах в ста от приземистого здания аэропорта, стояло строение белого цвета, небольшое, двери с правой и левой стороны под кривыми чёрными буквами «М» и «Ж».

2

Полон был зал ожидания аэропорта «Берёзово».

Ожидания чего? Наверное, её – Погоды. Её, матушку, её – царицу небесную, ждали около сотни пассажиров, плотно обосновавшихся во всех углах и проходах, вдоль стен тесного помещения.

«Зал ожидания», это уж так, Автор, по широте душевной и доброте, от себя добавил. В этом аэропорту был только один зал – и ожидания, и прилёта-вылета, он же кассовый и досмотра. Буфет при нём – тут же. К вечеру в буфете всё съедалось и выпивалось. Особо озадаченные ожиданием и пониженным содержанием алкоголя в крови граждане бегали по хрустящему снежку, за полтора километра, в ближайший и единственный в посёлке круглосуточно работающий магазинчик.

Отоварившись, выпивали, закусывали всю ночь, а зимние ночи здесь – дли-ин-ные, бежали опять за добавками, по очереди. Знакомились, если незнакомы были до этого, что, впрочем, было большой редкостью. Даже самый легкий, поверхностный взгляд отмечал, что люди, собравшиеся здесь, если и не были родственниками, то, по крайней мере, были хорошими знакомыми и даже – добрыми друзьями.

Первое, что приходило в голову попавшему в зал ожидания – что здесь расположился табор кочевой, цыганский табор, в северном, конечно, исполнении. Одежда и обувь, всех возможных цветов и фасонов. Расшита у многих бисером и украшена орнаментом, каждая закорючка и изгиб которого рассказывала о владельце всё. Кто он и откуда. И, что важнее – откуда предки его, к какой фратрии принадлежали.

Люди в орнаментах собирались в отдельные стайки, вели себя вольно, на окружающих внимания не обращали, разве только – стреляли острыми глазами по сторонам и по «чужакам» в европейской одежде. Сидели и лежали на чём попало. Пить – почти не пили, если говорить о напитках фабрично-заводского производства.

«Сухой закон», однако! Что ели? Да всё, чем успели запастись до наступления зимы. В основном, это балычок янтарный, крупными пластами нарезанный да длинные, похожие на ремни, полоски вяленой оленины.

Те, что не в мехах национальных, делились, в свою очередь, на две группы. Первая формировалась из приехавших с Большой Земли во времена «освоения недр» и потом, во времена «приватизации недр». И повзрослевшие их дети. Одеты они были богато, со вкусом, мехов, в денежном исчислении, на них меньше, чем золота. А золота – самая малость золота была, так, для поддержания колорита. Сидели эти старожилы на пластиковых чемоданах с иностранными надписями. Пили дорогой коньяк из маленьких рюмок-крышек именных фляжек. Говорили, в основном, об очередном финансово-политическом кризисе или о женщинах из последнего курортно-романтического лета.

Вторая группа «европейцев» золотом вообще не блестела. А из мехов на них были лишь шарфы, круто скрученные и изрядно засаленные. Эти искатели приключений, глубоко засунув помороженные руки в карманы курток из кожаменителя, жались к трубам водяного отопления, проложенным почти у самого пола. Вдоль них и лежали, или полулежали эти славные представители племени бродяг, распространяя вокруг себя запах дешёвой парикмахерской. Под собой, или за собой, прятали тощие рюкзаки. Разговаривать начинали только после того, как находили в трижды заштопанных карманах мелочёвку на флакон одеколona, «Тройного» или «Шипра». На закуску были у них только ржаные сухарики, коричневые «Кольца кальмара», да рукава засаленных курток.

Отсидев и отстояв всё, что только можно отстоять и отсидеть за трое суток, Андрей переходил от одной группы к другой, раздумывая – к кому бы прибиться, пристроиться к поедаю-

щему время разговору. Северные люди чужих в свой меховой круг просто так не принимали. Они замолкали, смотрели на подошедшего мужчину с явной готовностью помочь советом, но, не дождавшись от него вопроса, отворачивались.

Андрей не обижался, отходил, высматривал в зале таких же, как он одиночек. Журналист не может жить без общения, и он остановился, в конце концов, перед черноголовым мужичком, сидевшим особняком, на сильно вылинявшей шкуре оленя.

Тот держал в руках открытую бутылку с зеленовато-жёлтой жидкостью, время от времени делая маленькие глотки. Ставил бутылку на бетонный пол зала ожидания, брал с расстеленной газетки толстый кусок янтарного балыка, обсасывал и откусывал тремя оставшимися во рту зубами очередную порцию истекающей жиром рыбки.

Остатки закуски, на коже, в солдатский ремень толщиной, откладывал не торопясь, с достоинством, блаженно шурясь, оглядывался по сторонам и вновь тянулся рукой, с пальцев которой капал янтарный жирок, к заветной бутылке.

Андрей, заметив в смуглых руках аборигена кусок благородной рыбы, вдруг вспомнил свой последний вечер там, на Большой Земле, свою подругу – балерину с золотистой кожей длинных ног, свой хрустальный бокал, в котором так часто пенился хмельной напиток, свой диван, на котором они предавались радостям жизни. Все вместе, втроём. Он, Катька и пиво с рыбкой (считались за одного участника).

Боль и обида жестоко схватили его за горло, замерло дыханье, закипела в углу прищуренного глаза слеза. Почему, но почему всё так? И, собственно, за что? За то, что даже не рассказал, а попытался рассказать людям о деяниях, с позволения сказать высокого полицейского начальника.

И эта попытка едва не стоила ему жизни, хорошо, друг известил о готовящейся провокации, сулящей от десяти до пятнадцати и успел Андрей «эвакуироваться» чёрт его знает, в какую глушь, он ещё не разобрал, что к чему в этой исторической сибирской глубинке.

Застучали злые молоточки в висках, закипела кровь, сдобренная адреналином, зрение начало туманиться и руки сжались в крепкие кулаки. Неизвестно, в какую криминальную форму могла выплеснуться ярость, внезапно обуявшая Андрея, но к жизни его вернул мягкий говор сидящего на шкуре пьяненького мужичка.

А тот, наслаждаясь легкими житейскими радостями, вдруг увидел стоящего перед собой мужчину со сжатыми кулаками и яростным взором, будто обращенным в Смерть. Тёткой с сельхозинвентарём мужичка не напугаешь, но не в традициях истинных северян оставлять человека в беде. Тут уж не нужны даже курсы доктора Литвака, ну, для того, чтобы понять состояние человека.

– Эй, дядя, будешь? – спросил улыбчивый мужичок Андрея и протянул ему бутылку.

Андрей вздрогнул, вернулся в настоящее, увидел перед собой бутылку. С удивлением прочитал чёрные буквы на зелёной этикетке: «Керосин осветительный», и, естественно, не мог удержаться от вопроса:

– Самогон? – он даже наклонился к мужичку.

– Что? – в свою очередь, мужичок, не понял вопроса.

– Самогон, говорю? Сам гнал? Зелёный почему, травку добавлял? – вопросы человека, только что вернувшегося к жизни, звучали резко в этой, почти домашней атмосфере зала ожидания.

– Ты чего, паря? – на лице мужичка загуляла пьяная улыбка. – Керосин. Просто керосин.

– Брось! На керогаз ты, вроде, не похож? Так что это? – спросил Андрей.

– Говорю – керосин! – мужичок был удивлён непониманием Андрея.

Андрей даже растерялся немного от такого душевного отношения к забытому в городах горячему. Он вдруг поверил мужичку и, не зная ещё особенностей местной торговли, спросил, сморозив явную для того глупость:

– Слушай, а водку... обычную, не безопасней пить? Или вино, например?

– Тык, паря, хорошее вино, белое, нам не продают, – мужичок хохотнул, показывая трезубец коричневых зубов. – Сухой закон, говорят.

– Господи, в двадцать первом веке! Сухой закон в России! Я – торчу! – Андрей и действительно «приторчал» от услышанного. – Слушай, но керосин... потом, можно же обойти любой наш закон, как-то. Да попросить тех же лётчиков!

– Парнишка, бортмеханик, ну, который помогает с вином, – тяжело вздохнул мужичок. – Сегодня, как раз и отдыхает. И тепло сегодня, не получится вино!

– Ты... – Андрей даже не нашёл сразу подходящие слова. – Погода еще здесь причём?

– Не сердись, ну, дядя, садись, давай, – мужичок, в свою очередь, удивлён был бестолковостью приезжего. – Видишь, снег идёт, метель, значит градусов только пятнадцать мороза! Не могут механики вертолётное вино делать в такой слабый мороз.

Андрей схватился за голову, пытаясь понять – где, всё-таки, находится суть того, о чём говорит это весёлый косоглазый мужичок...

– Ладно, допустим, вино, – согласился он признать свою неосведомлённость. – Но, мороз, бортмеханики, они тут при чем?

– Да просто всё! – мужичок радостно начал делиться своими знаниями. – Льют механики ту жидкость, ну, из гидравлики вертолётной, на лом...

– Лом?

– Лом, лом! А железяка-то промёрзла, ну! Вся дрянь техническая на железе и откладывается, примерзает дрянь к железу! – В голосе мужика просто радостное восхищение находчивостью авиаторов. – А, поверх этой технической дряни спиртик, струйками стекает в банку там, или ведро. Представляешь, дядя, целое ведро спирта!

– Нет, даже не представляю зачем столько. Не знаю... не шампанское же это!

– Нет, дядя, это тебе не Большая земля, вина здесь много не бывает, узнаешь ещё, – мужичок все пытался растолковать приезжему реалии жизни на Севере. – Тут всё должно быть свое, и жильё, и...

– Давай, спой ещё! – перебил его Андрей. – И насчёт угла, у тети, не забудь.

– Угла? Что, дядя, жить негде, – спросил мужичок сочувственно.

– Ни угла, ни кола и ни двора, – легко согласился Андрей.

– А, что так? Секрет? Ну, не хочешь... – развёл руками мужичок.

– Почему секрет... – тренированным мозгом журналиста Андрей мгновенно сообразил, как обосновать своё появление здесь, в глуши. – В газете я работал, но, там, знаешь, десять строчек в номер, двадцать... как телеграфист писал, существительные, да глаголы.

И Андрей, сам себе, удивляясь, буквально минут за сорок, рассказал, практически, первому встречному о том, что такое есть части речи, и чем упомянутые им существительные отличаются от глаголов. И о том, что душа его потянулась к высокому искусству, к потребности оставить на этой земле ещё что-то, дополняющее следы от обуви. Рассказал и о том, что выбирал такое «место жительства», где он мог бы писать, не отвлекаясь на мировые проблемы, прущие с экранов TV. Место он искал, якобы, такое, где можно было бы жить, занимаясь только трудом писательским и заботами самыми насущными – еда, вода и тепло.

Любитель керосина слушал его внимательно и, дождавшись очередной паузы, перебил Андрея:

– Миша! – он протянул Андрею шершавую ладошку. – Всё с тобой, дядя, понятно. Давай, однако, к нам поедем.

– Куда это – к вам? – задал вопрос и пожал протянутую руку бывший журналист. – Извини, Андрей меня зовут.

– Ну, дядя, Андрей, к нам – это в Посёлок, – Миша показал Андрею большой палец. – Вот такое место! Лучше – не найдешь!

И, подражая только что выслушанным им интонациям Андрея, смешливый мужичок, назвавшийся Мишей, рассказал, в свою очередь о том, что и сам там, в Посёлке живет. И о том, что в поселковой школе нет учителей, а ребят учить надо, времена такие, что без знаний – никуда! О том ещё рассказал Мишаня, что Посёлок со всех сторон окружён водой, Горная Обь и многочисленные протоки сделали землю, на которой он стоит, самым настоящим островом. Акцент сделал хитрый мужичок на то, что только в Поселке Андрей сможет почувствовать себя настоящим мужиком. Тогда почувствует, когда принесёт домой или подстреленную дичь – глухаря или куропаток, или четверть тонны мяса – лося, или бросит небрежно в сених своего дома с десяток муксунов, свежельовленных, а то и нельму, килограммов тридцати веса! А? А – ещё стерлядь, осётр сибирский, полагающаяся при этом икра? К мясу и рыбе – закуски соответствующие – клюква и брусника, никогда не покидающие стол местного жителя. Что ещё? Княженика, допустим, она же – северная земляника, самая ранняя в этих местах ягода. Она поспеваает уже в начале июля. Её кустики на всех опушках и полянах, цветёт она розовато-сиреневыми или малиновыми цветами. Плоды у неё такого же цвета, а по аромату не уступают землянике. Или морошка – удивительная ягода, которая растёт только здесь. Красивая, вкусная и полезная ягода. Придёт весна и кочки на болотах покроются невысокими кустиками с белыми цветами. Летом на месте цветков созреют сначала желтовато-розоватые, позднее красные твёрдые ягоды. Похвалился Миша и библиотекой, и тем, что самолёт зимой к ним, в посёлок, летает по расписанию, если, конечно позволяет погода, два раза в неделю. А летом – можно на моторке, по протокам, часа за три добраться до райцентра. Если что, конечно, срочно, вертолёт прилетит. С врачом. Своего врача в Посёлке нет. Есть фельдшер. Хорошая женщина. У неё покупают настойку боярышника – «Боярку», считается она и лекарственным средством, и деликатесом.

Под конец, совсем уже очумевший в море новой информации и принявший решение лететь именно в это Посёлок Андрей услышал слова Миши:

– Лук-чеснок полезный, однако, овощ, но у нас не растёт. Вот и зубы потому, – Миша потыкал пальцем по остаткам зубов. – Зато картошка, да, только у нас одних и растёт, на всём Севере, большая, как голова ребёнка. Правда не едим её, только в крайнем случае, странная она какая-то, внутри полая и кожа такая же, как и снаружи. Даже учёные приезжали, смотрели! Чудно!

3

Пока вокруг самолёта ходили люди в чёрных меховых комбинезонах, выполнявшие предполётный регламент и не тарахтел мотор, Андрей рассматривал попутчиков – десяток пассажиров в живописной меховой одежде, покрытой разноцветным орнаментом.

Весьма необычным, надо заметить, орнаментом – среди переплетения коряг и оленьих рогов, он высмотрел, на одном из малахаев, изображение человеческого глаза, выглядывающего из кольца Мёбиуса. Точно, как на американском долларе.

Мысли его плутали и лениво путались: «Странные, мордашки... на кого же они похожи? Глаза, скулы, волосы... и этот знак на шубе, или на чём? Надо будет спросить – как называется. От бутылок... не отрывают взглядов, не видели никогда, что ли?»

Зачихал, наконец-то, закашлялся простуженный мотор, начал своё нехитрое дело – развивать крутящий момент и обеспечивать тягу винта. Скоро повеяло лёгким теплом из решеток под ногами и в таком убогом на дизайнерские решения салоне стало удивительно уютно.

Андрей сидел на деревянной, напоминающей парковую, скамейке, заменяющей привычные сиденья в этом древнем сооружении, взятом, похоже, напрокат в Музее авиации. Скамейка, по-другому это устройство «для удобства авиапассажиров» и не назовешь, расположена была вдоль салона самолёта. Напротив – точно такая же.

Что-то здесь не хватает, подумал Андрей, вспоминая свою недавнюю жизнь в большом городе, городской парк, также стоящие скамейки и столик между ними. На столике, обычно, чёрные костяшки домино или шахматная доска. Старики вокруг столика. Жужжали и ругались, не обращая внимания на проходящее мимо подрастающее поколение. Жизнь ощущалась во всей её прелести. Это там, в большом городе.

А здесь стояла тишина, если не учитывать лёгкий гул мотора. Тем более, казавшаяся странной, что люди, в этом маленьком самолёте, все были родом из одного посёлка. Ну, плюс один чужак.

Представляете самолёт, заполненный односельчанами, где-нибудь в Центральной России? Смешно? В Центральной России не самолёты, а ржавые автобусы Павловского автозавода перевозят от райцентров к местным поселениям сельских тружеников – работяг, продавших с раннего утра свою нехитрую продукцию: молочко, там, сметанку, грибочки солёные в баночках, зверобой и душицу пучками, чеснок кучками или лук репчатый вязанками. Вот, продали они, что смогли, а на денежку, вырученную, закупили водку разливную, да и начали её дегустировать на месте, в автобусе. Зажурчала горячая кровь по жилам – кровотокам, ударила в головы, что-то там, в бедовых головах задела, расшевелила, подвигла к общению, вот и потекла речь, сначала разумная и спокойная, затем она становилась всё ярче, насыщаясь синонимами, метафорами и всё больше – междометиями. Вот уже кто-то и песню дорожную завёл и её подхватило всё временное население автобуса.

А вот здесь, в центре, точнее – будучи над центром Сибири, авиапассажиры между собой почти не разговаривали, они больше смотрели в хвост самолёта, где пристёгнутые широкими брезентовыми ремнями, затаились, в предчувствии своей страшной кончины, добротные, сработанные из тарной дощечки ящики со спиртным.

4

Посёлок, в который так легко поддавшись сладкоречивым уговорам прокеросиненного Миши, согласился лететь Андрей, стоял на острове. Острове, в том смысле, что вокруг него была вода – сама Горная Обь и протоки её. Протоки не широкие, но многочисленные. Местами они сходились – сливались, образуя самые настоящие озёра, и разделяли остров и коренной берег Оби десятками километров самой пересечённой и непроходимой местности, какую только можно было себе представить.

От райцентра до посёлка лететь что самолётом, что вертолётном минут пятьдесят. Самолёт, как и говорил Миша, выполнял полеты по расписанию, вертолёт – по желанию начальства или в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Привыкшие к воздушному транспорту местные жители часто использовали его для самого простого и желанного дела – летали в райцентр для пополнения запасов спиртного. Делали это так же привычно, как жители средней полосы России ходили в сельмаг. Никакого трепета перед авиацией!

Полоса льда, в двух километрах от Посёлка, небрежно расчищенная от снега, чернела в обрамлении снежных валов. Лёд на реке в это время, толщиной был уже за метр и вполне выдерживал те самолётики, что своим вниманием не обходили ледовую полосу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.